

Пленарное заседание

А.Т. Березнев,
председатель Липецкого регионального
отделения ПАНИ, академик

ПРЕДЧУВСТВИЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВЫМ СВОЕЙ ГИБЕЛИ

Какой же Михаил Юрьевич разный! То «и полон ум желаний и страстей», когда «то кровь кипит, то сил избыток», то хандра наваливается и в текст лезут непрошенные слова близкой гибели.

Восхищаясь произведениями, любясь его Словом, ловишь себя на мысли, что тобой овладевает тревога. Сначала неосознанная, подспудная, далекая, непонятная, вроде бы беспричинная. И лишь потом понимаешь: тревога от того, что поэт предвидел свой трагический уход из жизни.

Неужели М.Ю. Лермонтов – провидец? Нет, не как сегодняшние «ясновидящие» шарлатаны, а самый что ни на есть настоящий? В это не хочется верить, но его стихи упорно подводят вдумчивого читателя к этому выводу.

Дар предвидения В.С. Соловьев относит к тому, что предок Михаила Юрьевича «рыцарь Томас Лермонт, живший в замке Эрсильзон, славился как ведун и прозорливец.., предсказал королю Альфреду III его неожиданную и случайную смерть». Сомнения одолевают, когда читаешь такое «научно-обоснованное» мнение. В нашей стране лермонтоведы ведут родословную поэта не от «рыцаря Томаса», а от Георга. И еще. Почему-то ни отец, ни дед поэта не обладали таким даром, не унаследовали его от рыцаря.

М. Равицина и В. Соловьев ищут у Лермонтова сверхчеловеческое: «Лермонтов, несомненно, был гений, то есть человек, уже от рождения близкий к сверхчеловеку, получивший задатки для великого дела, способный, а следовательно, обязанный его исполнить». С одной стороны – явная бездоказательность, кроме аксиомы, что Михаил Юрьевич – гений. С другой, истории известны случаи, когда целые народы объявлялись сверхчеловеками и «запихивать» в их число нашего великого поэта – грубая ошибка.

Некоторые авторы, говоря о М.Ю. Лермонтове, приписывают ему утверждение, что он подобен Богу. Это абсурд. Поэт не раз говорил о «пороках юности преступной», и прежде всего своей. Известны его отношения с женщинами, которые никак не подчеркивают его «святости».

Розанов утверждает, что «материя Лермонтова была высшая, не наша, не земная». Тоже верится с трудом. Прилетело НЛО и одарило мальчика Мишу этим качеством. Более того, известный философ приписывает зачатие поэта «неземным» силам. Но Мария Михайловна – не Матерь Божья, и Михаил Юрь-

евич – не Иисус Христос. Версию Розанова о природе ясновидения Лермонтова вряд ли можно всерьез рассматривать.

М.Ю. Лермонтов, создавая чудесные произведения, был человеком грешным. Это бесспорный факт. Приведу слова оптинского старца Варсонофия, вспоминая, как на приеме еще в миру он услышал песню «Ангел» на слова Михаила Юрьевича. Один из гостей не сдержал слез: «Думаю, что произошло это от того, что пение оторвало людей от низменных житейских интересов и устремило мысль к Богу... Песнь эту написал Лермонтов, человек грешный, да и исполняла ее не святая...».

Конечно, когда впереди, пусть и далеко, маячит конец только начавшейся яркой и интересной жизни, настроение временами будет хуже некуда. Он признается: «Мне тягостны веселья звуки!» и еще:

...Разорвется грудь от муки.
Страданиями была упитана она,
Томилась долго и безмолвно;
И грозный час настал – теперь она полна,
Как кубок смерти, яда полный.

И рядом с этим заносчивость, простительная только юнцу, когда он пишет, что рожден, чтоб «целый мир был зритель торжества и гибели моей». (Потом союз «и» будет заменен на «иль».)

Тема личной смерти у него прорывается еще в ранних стихах. Когда в произведениях промелькнет один-два раза печальная нота, это не воспринимается всерьез. В таких случаях возникают мысли о случайности подобного, о том, что, может, жанр потребовал такого «поворота» или философствования. Иногда можно подумать, что поэт «рисует» или «кокетничает». Хотя сама по себе тема достаточно далека от этого и намного серьезнее, чтобы ею часто пользоваться.

За несколько лет до смерти, в 1836 году, он в стихотворении «В альбом» пишет:

И если после многих лет
Прочтешь ты, как мечтал поэт,
И вспомнишь, как тебя любил он,
То думай, что его уж нет...

В этих и других стихах тема конца своей жизни обозначается не совсем конкретно. И совсем зловеще она просматривается в поздних стихах. Так, в «Завещании» (1840 г.) он прямо пишет:

...На свете мало, говорят,
Мне остается жить!..
А если спросит кто-нибудь...
Ну, кто бы не спросил,

Скажи им, что навылет в грудь
Я пулей ранен был.

Правда, здесь не говорится о дуэли. Ранение здесь является следствием боевого столкновения с горцами.

Его предчувствие трагического конца каким-то образом передается и друзьям, в частности, Р. Дорохову. Лермонтов, по свидетельству Дружинина, «получил в наследство от Дорохова, которого ранили, отборную команду охотников» (то есть, добровольцев), как сообщал он сам А.А. Лопухину. 18 ноября 1840 года сам Р. Дорохов писал М.В. Юзефовичу: «По силе моих ран я сдал моих удалых налетов Лермонтову. Славный малый — честная, прямая душа — не сносить ему головы. Мы с ним подружились и расстались со слезами на глазах. Какое-то черное предчувствие мне говорило, что он будет убит. Да что говорить — командовать летучею командою легко, но не малина. Жаль, очень жаль Лермонтова, он пылок и храбр, — не сносить ему головы». Предчувствие друга поэта оправдалось менее чем через год. Но из экспедиции Лермонтов вернулся. «Во главе отряда» Лермонтов «оказывал самоотвержение выше всякой похвалы», — писал генерал Галафеев в наградном списке.

Но есть и другие мнения о Дорохове. Священник, у которого квартировал он, по свидетельству попадьи, так отзывался: «Муж позвал меня к себе и сказал: «У меня было предчувствие, я долго не решался давать лошадь Дорохову. Вчера вечером у подошвы Машука за кладбищем была дуэль; Лермонтова убил Мартынов, а Дорохов спешил за город именно поэтому. — И, опять задумавшись, сказал: — Чувствую неволью себя виновным в этом случае, что дал лошадь. Без Дорохова это могло бы окончиться примирением, а он взялся за это дело и привел к такому окончанию, не склоняя противников на мир».

Графиня Ростопчина писала, что «Лермонтову очень не хотелось ехать (на Кавказ — *Авт.*). У него были всякого рода дурные предчувствия... Лермонтов только и говорил об ожидавшей его скорой смерти». В апреле 1841 года Лермонтов на вечере у Карамзиных уверенно сказал своему товарищу В. Сологубу, что на Кавказе его убьют. Это было накануне отъезда. До дуэли осталось три месяца... У грота Дианы П.А. Гвоздев встретил грустного М.Ю. Лермонтова, который признался, что его душу томит предчувствие близкой смерти.

Чем ближе роковая черта, тем более четкими, явственными становятся детали гибели. В известном произведении «Сон» (1841 г.) читаем:

В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я;
Глубокая еще дымилась рана,
По капле кровь точилась моя...

Особенно ясно это видно в словах о своем конце жизни, подробностях, деталях. Более того, он видит во сне, как на вечерней пирушке шел веселый разговор о нем. Что это - предчувствие, данное единицам землян свыше? Или он настолько ясно видел свое будущее, что ни в чем не сомневался? Но если так, то почему он безвольно шел вперед, как на заклятие? Почему ничего не предпринимал?

Продолжением темы стало прощание с тем, что дорого. Для М.Ю. Лермонтова Россия – разная. Пышная, с балами, ложью, интригами была ему чужда. Была и другая. О ней он с известной долей иронии незадолго до ухода в мир иной воскликнул: «Прощай, немытая Россия!».

Зная о приближении смерти, будучи даже уверенным в скором конце своей земной жизни, М.Ю. Лермонтов провоцирует ссору с Мартыновым. В доме в присутствии дам отпустил саркастическую насмешку в отношении Мартынова. Тот его упрекнул: «Сколько раз я просил вас оставить свои шутки при дамах». Когда на выходе он повторил эти слова, то Лермонтов вместо извинения спросил: «Что ж, на дуэль что ли вызовешь за это?». И в ответ получил рассерженное: «Да!». Стремление помириться перед поединком с Мартыновым и его выстрел вверх – слабая попытка уйти от дуэли и гибели.

Что это: бесшабашность? Игнорирование предчувствий, отсутствие веры в них?

Существует немало обоснованных версий об убийстве поэта. Во время дуэли он стоял к Н.С. Мартынову правым боком. Обычная поза, когда рукой, согнутой в локте, и пистолетом прикрываются от пули противника. При описании гибели поэта констатировано, что пуля вошла под правое нижнее ребро и вышла у левого плеча. Таким образом, смертельный выстрел произведен справа и снизу от Михаила Юрьевича. Пуля из пистолета Мартынова не могла пройти такую траекторию, она летела практически горизонтально.

Есть и еще один факт, который говорит в пользу версии об убийстве. Размер извлеченной из тела поэта пули не соответствовал дуэльному пистолету. Это заставляет склоняться к версии, что на самом деле была не честная дуэль, а подлое убийство. Не могут внести сколько-нибудь обоснованной ясности и секунданты.

Например, князь Васильчиков всякий раз настораживался, когда речь заходила о Дорохове. Об этом прямо пишет в своей книге П.А. Висковатов: «Князь Васильчиков упорно молчал относительно других лиц, свидетелей дуэли. Он и о Дорохове почему-то говорить не хотел...». Э.Г. Герштейн, исследуя это, писал: «Догадываясь, в каком резком освещении Дорохов нарисовал Дружинину картину гибели Лермонтова, мы начинаем понимать, почему Васильчиков избегал о нем говорить. Вероятно, Дорохов знал те подробности несчастья, которые противник поэта и секундант на дуэли хотели скрыть».